

мяшчане. У іншых выпадках дынаміка роста ці спада папулярнасці твораў пра пэўны этнас кажа пра дынаміку ўзаемаадносінаў гэтага этнаса з этнасам-носьбітам жартаў. Пры гэтым варта памятаць, што дынаміка зменаў у этнічным гумары адпавядае ў большай ступені зменам у тым этнасе, які іх распаўядае, а не ў тым, які робіцца іх прадметам.

З усяго гэтага можна зрабіць выснову пра тое, што этнічныя жарты могуць быць выкарыстаны для атрымання толькі адносных звестак пра тыя народы, якія ў іх фігуруюць. Перш за ўсё, гэта ўсведамленне таго, што гэтыя народы з'яўляюцца хоць і адрознымі, але ўва многім падобнымі да народаў, якія прыдумваюць і распаўядаюць пра іх жарты, і што гэтае адрозненне і падабенства ўсведамляецца і тымі, і тымі. Па-другое, народы, якія фігуруюць у гумарыстычных творах, знаходзяцца ў няроўнапраўных адносінах з тымі, хто распаўсюджвае гэтыя творы. Нарэшце, самай важнай высновай пра гэтыя народы з'яўляецца тое, што яны не цалкам адпавядаюць тым нормам, якія прадстаўляе і дыктуе этнас-носьбіт жартаў. Іншымі словамі, этнічны гумар уяўляе сабой надзвычай іншасказальны тэкст, які трэба інтэрпрэтаваць і ўжываць з вялікай асцярожнасцю.

Літаратура

1. *Дмитриев А. В.* Смех: социофилософский анализ / А.В.Дмитриев, А.А.Сычев. М, 2005.
2. *Дмитриев А. В.* Социология политического юмора : Очерки. М., 1998.
3. *Ставрович Э.* Село Спорово // Виленский сборник. Вильна : издал В. Кулин, 1869. С. 88–98.
4. Україна сміється: сатира та гумор: в 3 т. / [Декада української літератури та мистецтва, Москва, 1960]. Т. 1: Народна сатира та гумор дожовтневого періоду / [упорядкували Ф. І. Лавров та І. П. Березовський; малюнки К. Г. Агніта і інш.]. 394 с., [14] л. іл.
5. *Davies C.* Ethnic humor around the world: a comparative analysis. – Bloomington&Indianapolis, 1990.
6. *Draitser E.* Taking penguins to the movies: ethnic humor in Russia. Wayne State University Press, 1998.
7. *Feinberg L.* The secret of humor. Amsterdam, 1978.
8. *Visani F.* La satira in Unione Sovietica, 1970–1990. Torino, 2004.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАКАРПАТЬЕ В 1939–1944 гг. В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭТНОСИМВОЛИЗМА Э. СМИТА

О. Г. Казак

Известный британский ученый, приверженец теории этносимволизма Э. Смит призывает «переместить фокус исследований от чисто внешних

политических, экономических или социобиологических факторов к культурным феноменам символов, воспоминаний, мифов, ценностей и традиций» [1, с. 60]. На его взгляд, «культура – это и межпоколенческая сокровищница, и наследие (или совокупность традиций), и деятельно формируемый набор значений и образов, воплощенных в ценностях, мифах и символах, которые служат объединению группы людей с общими переживаниями и воспоминаниями и отделению их от чужаков» [2, с. 341].

Период вхождения Закарпатья в состав Венгрии (март 1939 г. – октябрь 1944 г.) стал временем активных этнокультурных экспериментов в отношении коренного восточнославянского населения региона, называвшего себе русинами. Э. Смит выделяет две основные модели национального строительства – гражданско-территориальную, за реализацию которой отвечает государство и его бюрократический аппарат, и этнически-генеалогическую, осуществляемую за счет усилий интеллектуалов. Как отмечает ученый, данные модели всегда реализуются одновременно, но в разных пропорциях в каждом конкретном случае [3, с. 75–85]. Венгерские власти, с одной стороны, желали выработать у местного населения «надэтническое», гражданское национальное чувство. С другой стороны, интеллектуальные элиты Закарпатья традиционно в своей риторике преимущественное внимание уделяли вопросам культурного, духовного, цивилизационного выбора региона. В связи с этим официальная пропаганда учитывала данные факторы, пытаясь найти оптимальную формулу выработки лояльного отношения жителей региона к венгерским властям. Лейтмотивом статей СМИ региона стала констатация факта вхождения Закарпатья в состав Венгрии как величайшего события, благодаря которому «венгерская свято-стефанская идея объединится с русинским народным чувством» [4, с. 65–66]. Показательны в этом плане слова регентского комиссара Закарпатья М. Козмы. На первом торжественном заседании Подкарпатского Общества Наук (ПОН) он заявил: «Народ Закарпатья свою самостоятельную, независимую и народную культуру хочет строить в рамках венгерского государства, в рамках венгеро-русинского слияния». Регентский комиссар особо подчеркнул, что русинский народ своими силами, без помощи венгерского правительства не смог бы создать подобной организации [5, с. 181–182]. Таким образом, венгерские власти пытались выработать у местного населения преданность венгерским общегосударственным идеям. При этом государство не только не подавляло локальные культурные ценности русинов, но и позиционировало себя как защитник этих ценностей.

Э. Смит уделяет внимание процессам пропаганды среди членов этнического сообщества идеи «героического прошлого», которое, как кажется

идеологам, должно служить примером для нынешнего поколения [3, с. 99]. Особенный успех пропаганда идеи братства и родства, по мнению ученого, имеет в том случае, когда актуализируются воспоминания о совместном участии в войнах и восстаниях [3, с. 170]. Особую популярность приобрели трансильванский князь Ференц II Ракоци и его мать Илона Зрини – венгерские магнаты, участники антигабсбургских выступлений конца XVII – начала XVIII вв. В публицистике многократно обыгрывался тот факт, что Ференц II Ракоци в своих воспоминаниях называл русинских крестьян, участвовавших в выступлениях, «gens fidellissima» («наивернейшим племенем») [6, р. 114]. Появились материалы по истории венгерского восстания 1848–1849 гг. («Кошутова война»). Русины, участвовавшие в тех событиях, были названы героями [7]. Сообщения о данных событиях в разной степени соответствуют действительности. Что касается антигабсбургского восстания под руководством Ференца II Ракоци, то многие русины, ожесточенные насилиями со стороны австрийских войск, действительно приняли в нем активное участие [8, с. 55]. С другой стороны, венгерское революционное движение 1848–1849 гг. вынудило славянские народы Венгрии сделать ставку на австрийские власти. Так, А. Добрянский, известный как один из первых «русинских будителей», в 1848–1849 гг. занимал должность помощника гражданского комиссара при русском войске, участвовавшем в подавлении антиавстрийских выступлений [9, с. 148]. В памяти местных русофильски настроенных интеллектуалов события 1848–1849 гг. запечатлелись совсем не так, как хотелось бы венгерским идеологам и пропагандистам.

Идеи, свойственные официальной идеологической политике, получившей название «угро-русинизм», в межвоенный период имели крайне мало сторонников в Закарпатье. Поэтому разработчикам нового курса было необходимо показать альтернативные идеологические направления в крайне невыгодном свете. По мнению социолога Э. Гидденса, стереотип в отношении национального проекта, воспринимаемого как соперник и конкурент, наделяется такими качествами, как агрессивность и эгоизм, жестокость, хитрость, лицемерие. Чужаки, рассматриваются как «варвары», «дикари» неполноценные люди [10, с. 112]. Данный тезис как нельзя лучше характеризует идеологическую ситуацию в Закарпатье в 1939–1944 гг. Так, в целях подавления традиционно сильных в Закарпатье прорусских настроений, Г. Стрипский утверждал, что «русско-татарская» культура «восточной Москвы» из-за огромного расстояния от региона не может оказывать никакого влияния на ситуацию в Закарпатье [11]. И. Кондратович в заметке о действиях русских войск в Карпатах во время Первой мировой войны говорит об их жестокости и бесчеловечности по отношению к русинам, которых в одном из сел «изрубили на

куски» [12]. В свою очередь, жестокости австро-венгерского террора против русинского населения русофильской ориентации венгерская пропаганда, естественно, замалчивала.

Подверглись нападкам и представители украинофильского идеологического направления. Так, со страниц закарпатской прессы звучали крайне негативные оценки деятельности проукраински настроенного автономного кабинета А. Волошина (октябрь 1938 г. – март 1939 г.). Отмечалось, что участники украинского движения «разложились, как гнилое дерево в лесу», что местное население никогда не считало себя украинцами [13]. Публикации подобного рода не были единичны. Так, в статье от 16 июля 1939 г. короткий период существования Карпатской Украины сравнивается с «монгольским рабством на Руси». Отмечалось, что «русины с венграми – лучшие друзья», а «Украина с Волошиным отрезаны от тела русинского народа раз и навсегда». Анонимный автор публикации утверждал, что «Волошин и брехня – это одно и то же» [14]. Таким образом, первоочередной задачей последователей теории угрорусинизма была компрометация других, традиционно более сильных идеологических направлений в регионе.

Для исследования идеологических процессов важно следующее высказывание Э. Смита: «Использование этноистории всегда выборочно: важно не только помнить определенные вещи, но и забыть про некоторые» [3, с. 134]. Многие события, которые свидетельствовали о напряженных отношениях между венграми и русинами, в официальной прессе сознательно замалчивались. Примером таких событий могут служить три процесса в Марамарош-Сигете (1904 г., 1906 г., 1913–1914 гг.), где русины, перешедшие в православие в ответ на мадьяризационное давление, были обвинены в «государственной измене» [15, с. 37]. Таким же образом официальной пропагандой игнорировались популярные в недавнем прошлом мифологемы украинофилов Закарпатья.

Короткий период пребывания Закарпатья в составе Венгрии не дает возможности с достаточной степенью точности определить, куда могла привести проводимая Будапештом идеологическая политика. Однако есть основания утверждать, что официальный курс таил опасность для самих его творцов. Радикальная пропаганда локальных духовных ценностей в Закарпатье взамен менее желательных для Венгрии «широких» русофильского и украинофильского проектов, а также отсутствие у местных интеллектуальных элит выраженных приверженностей к правовым, гражданским представлениям о нации, которые могли бы сгладить культурные и ментальные различия и противоречия между венграми и русинами, становились потенциальной основой для развития в будущем некоего сепаратистского движения. Истоки современной ситуации в Закарпатье следует искать в том числе и в событиях 1939–1944 гг.

Литература

1. *Сміт Е. Д.* Націоналізм: Теорія, ідеологія, історія / Пер. з англ. Р. Фещенко. Київ, 2004.
2. *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий национализма / Пер. с англ. А. Смирнова. М., 2006.
3. *Сміт Е. Д.* Національна ідентичність / Пер. з англ. П. Тарашука. Київ, 1994.
4. *Контратовичь И.* Свято-стефанска думка и gens fidellissima // Русинський дайджест 1939–1944. Ніредьгаза, 2008. С. 57–66.
5. Протокол написаний в Унгваре 26 януара 1941 года на закладаючому зборанні Подкарпатського Общества Наук // Зоря-Најнал. 1941. Число 1–2. С. 180–184.
6. *Magocsi P. R.* The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.), 1978.
7. *Контратовичь И.* За веру и отечество // Нова неделя. 1939. 2. юлія. С. 3.
8. *Шевченко К. В.* Славянская Атлантида. Карпатская Русь и Русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010.
9. *Аристов Ф. Ф.* Карпато-руські писателі. Исследования по неизданным источникам. М., 1916.
10. *Гидденс Э.* Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядова; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевич. М., 1999.
11. *Стрипский Г.* Заблуделым сынам Подкарпаття // Литературна неделя. 1941. 23 новембра. С. 14–22.
12. *Контратовичь И.* Кровава Пасха в Карпатах // Нова неделя. 1939. 9 апреля. С. 2.
13. Коротке мозаики // Нова неделя. 1939. 26 марта. С. 3.
14. Украинце плачуть... // Нова неделя. 1939. 16 юлія. С. 1–3.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. А. Казакова

Одной из важнейших современных тенденций развития мирового туристского рынка является все более усиливающаяся дифференциация туристской политики в региональном разрезе. Комплексный характер туристского спроса предъявляет особые требования к созданию конкурентоспособного сектора международных туристских услуг [3]. Следовательно, для создания конкурентоспособного туристического продукта белорусским туроператорам, специализирующимся на приеме, необходимы тщательные маркетинговые исследования структуры туристских потребностей иностранных посетителей с целью создания дифференцированного туристического продукта, рассчитанного на определенные целевые группы иностранных туристов и в полной мере соответствующего их требованиям. Исследования туристского спроса и мотиваций иностранной клиентуры необходимы для определения рынков сбыта туристического продукта Беларуси, выработки наиболее эффективных стратегий развития въездного туризма в стране.